

[о преступниках
и сыщиках]

Почему-то никто
не замечает
почтальонов, —
задумчиво сказал он. —
Однако у них есть
чувства, как
и у других людей,
и они даже носят
с собой большие
копцовые сумки, куда
легко можно уложить
труп маленького
человека

Гилберт Кийт

Убийство
на скорую руку

Честертон

Гилберт Кийт Честертон
Проклятие золотого креста
Серия «Отец Браун»
Серия «Недоверчивость
отца Брауна», книга 5

текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452225

*Гилберт Кийт Честертон. Убийство на скорую руку: Эксмо; Москва;
2011*

ISBN 978-5-699-52146-3

Аннотация

«...под маленькой церковью в Далхэме, на побережье Сассекса, была обнаружена христианская гробница периода раннего Средневековья, очевидно принадлежащая епископу.

Утверждается, что в гробнице нашли крест на цепочке, вполне обычный на вид, но с неким тайным символом на обратной стороне, который имеется лишь еще на одном кресте в мире. Это один из священных символов раннего христианства, предположительно обозначающий основание Антиохийской Церкви святым Петром до его прихода в Рим. ...есть всего один крест, похожий на описываемый...»

Гилберт Кийт Честертон

Проклятие золотого креста

Компания из шести человек, сидевших за небольшим столом, имела несообразный и разношерстный вид, как будто каждый из них был жертвой отдельного кораблекрушения, встретившейся с остальными на одном и том же острове. Во всяком случае, море окружало их со всех сторон, а их островок находился внутри другого острова, огромного и движущегося, как Лапута. Стол, за которым они собрались, был лишь одним из множества столиков, расставленных в обеденном салоне громадного лайнера «Моравия», который мчался сквозь ночь и пустынные пространства Атлантики. Члены небольшой компании не имели ничего общего друг с другом, если не считать того, что все они плыли из Америки в Англию. Двоих из них можно было назвать знаменитостями, а остальных – ничем не примечательными, а в одном-двух случаях даже сомнительными личностями.

Первым был известный профессор Смейл, пользовавшийся большим авторитетом в области археологических исследований поздней Византийской империи. Его цикл лекций для Американского университета получил высочайшую оценку в самых престижных учебных заведениях Европы. Литературные труды профессора, наполненные яркими образами и проникнутые неподдельной симпатией к европей-

скому историческому наследию, вызывали у читателей такой живой отклик, что его акцент поражал их до глубины души. Но на свой лад он был типичным американцем, с длинными светлыми волосами, зачесанными назад от высокого лба, и немного вытянутым лицом. В его осанке внутренняя сосредоточенность любопытным образом сочеталась с готовностью к немедленным действиям, словно у льва, который с обманчивой отрешенностью готовится к прыжку.

В компании была только одна дама (про которую журналисты часто говорили «и один в поле воин»), готовая сыграть роль хозяйки, если не императрицы, за любым столом. Леди Диана Уэлс прославилась своими путешествиями в тропиках и других далеких краях, но в ее облике и манерах не было никакой грубости мужеподобия. Она сама была красива почти тропической красотой, с пышной гривой жгуче-рыжих волос и подвижным, умным лицом, одетая довольно вызывающим образом. Ее глаза отличались характерным блеском, который можно видеть у дам, задающих вопросы на политических собраниях.

Другие четыре человека поначалу казались бледными тенями в этом блестящем обществе, но при более внимательном рассмотрении обнаруживались некоторые отличия. Одним из них был молодой человек, внесенный в список пассажиров под именем Пола Т. Таррента. Он принадлежал к тому типу американцев, который правильнее было бы назвать антиподом по отношению к общепринятому представлению

о них. Наверное, в каждой культуре есть свои исключения, лишь подтверждающие национальное правило. Американцы питают большое уважение к труду – примерно так же, как европейцы уважают войну. Труд окружен героическим ореолом, и тот, кто сторонится его, утрачивает право называться мужчиной. Антиподы выделяются на общем фоне, хотя встречаются исключительно редко. Они представлены типом рафинированного щеголя, богатого транжиры, который выступает в роли слабовольного негодяя во многих американских романах. Казалось, Пол Таррент не занимается ничем, кроме переодевания. Он менял одежду не менее шести раз в день, выбирая более бледные или насыщенные оттенки изысканного светло-серого цвета, словно серебристые отблески в сумерках. В отличие от большинства американцев, он носил тщательно ухоженную кудрявую бородку, но, в отличие от большинства пижонов, имел скорее угрюмый, чем развязный вид. В его мрачности и молчании было нечто байроновское.

Двух других было бы естественно описать вместе хотя бы потому, что оба они были английскими лекторами, возвращавшимися после турне по Америке. Один из них, по имени Леонард Смит, считался малоизвестным поэтом, но довольно известным журналистом. Длиннолицый и светловолосый, он безупречно одевался и явно мог позаботиться о себе. Второй из них комично контрастировал с ним, будучи низкорослым и ширококостным, с черными моржовыми усами и

сдержанными манерами, в отличие от своего разговорчивого спутника. Но поскольку его обвиняли в краже и одновременно восхваляли за спасение румынской принцессы, подвергшейся нападению ягуара в его передвижном зверинце (этот случай попал на страницы светской хроники), не возникало сомнений, что его мысли о Боге и прогрессе, а также юношеские воспоминания должны представлять огромную ценность и интерес для жителей Миннеаполиса и Омахи.

Шестым и самым малозаметным членом компании был маленький английский священник, путешествовавший под именем отца Брауна. Он с почтительным вниманием прислушивался к разговору, как будто собеседники вот-вот собирались сказать нечто важное и необычное.

– Полагаю, ваши исследования Византии прольют свет на историю о гробнице, которую нашли где-то на южном побережье – кажется, в Брайтоне, – сказал Леонард Смит. – Разумеется, Брайтон далеко от Византии, но я где-то читал, что такой метод погребения или бальзамирования имеет византийское происхождение.

– Византийским исследованиям еще предстоит долгий путь, – сухо ответил профессор. – Сейчас много говорят о специалистах, но, на мой взгляд, специализация – это самая трудная вещь на свете. Возьмем, к примеру, Византию: как человек может что-то знать о ней, если не обладает обширными знаниями о Риме, существовавшем до нее, и об исламе, существовавшем рядом и после нее? Большинство араб-

ских искусств происходит из Византии. Возьмем даже алгебру...

– Я не хочу брать алгебру, – решительно вмешалась дама. – Никогда не хотела, а теперь особенно. Но я очень интересуюсь бальзамированием. Знаете, я была рядом с Гаттоном, когда он вскрывал вавилонские гробницы. С тех пор мумии и хорошо сохранившиеся тела просто завораживают меня. Расскажите нам об этом!

– Гаттон был интересным человеком и происходил из интересной семьи, – сказал профессор. – Его брат, которого избрали в парламент, – нечто гораздо большее, чем обычный политик. Я не понимал, чего добиваются фашисты, пока он не произнес свою речь об Италии.

– Но мы сейчас плывем не в Италию, – настаивала леди Диана. – И мне кажется, вы направляетесь как раз туда, где нашли эту гробницу. Это в Сассексе, верно?

– Сассекс очень велик, как и все маленькие английские графства, – уклончиво ответил профессор. – Там можно вдоволь нагуляться, и это хорошее место для пеших прогулок. Просто удивительно, какими большими кажутся эти пологие холмы, когда стоишь на вершине.

После этих слов вдруг наступила тишина.

– Пойду прогуляюсь по палубе, – наконец сказала леди Диана и встала.

Мужчины вышли следом за ней. Профессор остался, а маленький священник задержался у стола, аккуратно склады-

вая салфетку. Когда они остались наедине, профессор внезапно обратился к нему:

– Как по-вашему, в чем заключалась цель этой милой беседы?

– Раз уж вы спрашиваете, кое-что показалось мне интересным, – с улыбкой отозвался отец Браун. – Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, что эти люди трижды попытались узнать у вас о забальзамированном теле, которое было обнаружено в Сассексе. Со своей стороны, вы очень вежливо предложили обсудить другую тему: сначала алгебру, потом фашистов и, наконец, холмистый ландшафт Сассекса.

– Короче говоря, вы полагаете, что я был готов к обсуждению любой темы, кроме этой, – подытожил профессор. – Вы совершенно правы.

Профессор немного помолчал, глядя на скатерть, потом поднял голову и заговорил с порывистой энергией, чем снова напомнил льва, изготовившегося к прыжку.

– Видите ли, отец Браун, я считаю вас умнейшим и чистейшим человеком из всех, кого я знаю, – сказал он.

Отцу Брауну были свойственны типично английские манеры. Серьезный и искренний комплимент, высказанный с американской прямоотой, чрезвычайно сконфузил его. Он пробормотал что-то неразборчивое, а профессор продолжал с той же энергичной настойчивостью:

– Понимаете, до определенного момента все достаточно

просто: под маленькой церковью в Далхэме, на побережье Сассекса, была обнаружена христианская гробница периода раннего Средневековья, очевидно принадлежащая епископу. Настоятель церкви сам по себе неплохой археолог и смог найти гораздо больше, чем мне известно до сих пор. Ходил слух о том, что тело было забальзамировано по методике, знакомой грекам и древним египтянам, но неизвестной на Западе, особенно в то время. Поэтому мистер Уолтерс (так зовут настоятеля), естественно, интересуется возможным влиянием Византии. Но он упоминает нечто еще, имеющее даже больший интерес для меня.

Вытянутое серьезное лицо профессора, казалось, вытянулось еще сильнее и посуровело, когда он нахмурил брови и снова уперся взглядом в скатерть. Его длинный палец чертил на ткани сложные узоры, похожие на планы мертвых городов с их храмами и гробницами.

– Я собираюсь рассказать вам, и никому больше, почему я остерегаюсь говорить об этом деле в такой пестрой компании и почему становлюсь все осторожнее, чем больше они стараются разговорить меня. Утверждается, что в гробнице нашли крест на цепочке, вполне обычный на вид, но с неким тайным символом на обратной стороне, который имеется лишь еще на одном кресте в мире. Это один из священных символов раннего христианства, предположительно обозначающий основание Антиохийской Церкви святым Петром до его прихода в Рим. Как бы то ни было, я считаю, что есть все-

го один крест, похожий на описываемый, и он принадлежит мне. Я слышал историю о наложенном на него проклятии, но не придаю этому значения. Впрочем, независимо от проклятия некий заговор действительно существует, хотя заговорщиком является только один человек.

– Только один человек? – почти механически повторил отец Браун.

– Скорее, один безумец, – сказал профессор Смейл. – Это долгая история и довольно глупая в некотором отношении.

Он снова выдержал паузу, продолжая чертить пальцем на скатерти архитектурные планы, а потом возобновил свой рассказ:

– Наверное, лучше рассказать все с самого начала на тот случай, если вы заметите какую-то подробность, показавшуюся мне незначительной. Это началось много лет назад, когда я по собственному почину проводил исследования древних сооружений на Крите и греческих островах. Большею частью я работал без посторонней поддержки, иногда прибегая к примитивной и кратковременной помощи местных жителей, а иногда в полном одиночестве. Я был совершенно один, когда обнаружил лабиринт подземных коридоров. Один из них повел меня к ценнейшей груде обломков украшений и разбросанных самоцветов, которую я принял за руины древнего алтаря. Именно там я нашел необычный золотой крест. Повернув его, я увидел на обратной стороне знак *Ichthus*, или рыбы, распространенный в раннехристианскую

эпоху. Но форма и стиль этого символа отличались от обычных. Он показался мне более реалистичным, как будто мастер хотел сделать его не просто условной фигурой, но больше похожим на настоящую рыбку. Некоторая сплюснутость возле одного конца выглядела не обычным геометрическим украшением; скорее, она напоминала грубый образец зоологической иллюстрации.

Для того чтобы вкратце объяснить вам, почему эта находка показалась мне важной, я должен рассказать о цели исследования. В некотором роде это были раскопки других раскопок. Мы – во всяком случае, некоторые из нас – имели основания полагать, что эти коридоры, главным образом минойского периода (как и знаменитый комплекс, отождествляемый с лабиринтом Минотавра), на самом деле не были забыты и не оставались нетронутыми в течение тысячелетий, прошедших от Минотавра до современного археолога. Мы полагали, что эти подземные места – по сути дела, их можно назвать подземными городами и деревнями – уже были разведаны в промежутке некими людьми, имевшими определенные мотивы для своих действий. Что касается мотивов, тут есть разные мнения. Некоторые считают, что императоры распорядились провести официальные изыскания из чисто научного любопытства. Другие утверждают, что необузданная мода на темные азиатские обряды и суеверия, существовавшая в поздней Римской империи, побудила безымянную манихейскую или другую секту устраивать в этих пе-

щерах свои оргии, которые нужно было держать скрытыми от света дня. Я сам принадлежу к группе ученых, которые считают, что пещеры использовались для той же цели, что и катакомбы. Иными словами, в период гонений, распространившихся как пожар по всей империи, некоторые христиане нашли убежище в этих языческих каменных лабиринтах. Поэтому когда я поднял золотой крест и увидел рисунок, запечатленный на нем, для меня это было как удар молнии. Не меньшим блаженством и потрясением стала другая находка. Когда я повернулся, собираясь вернуться обратно к теплу и солнцу, то посмотрел на голые каменные стены, уходившие в бесконечность вдоль низкого коридора, и увидел нацарапанный силуэт рыбы – еще более грубый, но почему-то еще более реалистичный.

Какая-то неясная особенность делала его похожим на ископаемую рыбу или другой рудиментарный организм, навеки застывший в замерзшем море. Я не мог проанализировать эту аналогию, никаким иным образом не связанную с обычным рисунком на стене, пока подсознание не подсказало мне, что первые христиане в каком-то смысле были похожи на рыб, немых и обитающих в мире сумеречного безмолвия, находившемся глубоко под ногами остальных людей.

Каждый, кто бродил по каменным подземельям, знаком с иллюзией фантомных шагов. Эхо доносится то спереди, то сзади, так что человеку бывает почти невозможно поверить в свое одиночество. Я привык к этим отзвукам и не обращал

на них внимания до тех пор, пока не увидел символический образ, начертанный на каменной стене. Я остановился, и в следующее мгновение мое сердце тоже едва не остановилось, потому что призрачные шаги продолжали звучать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.